

«НОМЕР три», — громко объявил Шалалин. «Три... Три» — эхом прокатился по пражскому подземному залу «Люцерны» шепот, зашелестели сотни переворачиваемых страничек программ. А Шалалин запел арию Лепорелло из оперы Римского-Корсакова «Дон Жуан».

После каждой песни или арии шквал оваций и крики «браво!» взрывали тишину зала. Пражская публика восторженно приветствовала искусство знаменитого русского певца. Она простила ему все — ведь только Шалалин мог позволить в свой первый приезд в Чехословакию выступать без заранее объявленной программы. Он пел по-русски, а чтобы зрители понимали исполнявшиеся произведения, были напечатаны программы с текстами более 100 песен и арий на чешском и немецком языках. Певец называл не произведение, которое собирался исполнять, а только его порядковый номер.

Простила очарованная публика и дороговизну билетов, перестав судачить по поводу огромного — 100 тысяч крон — гонорара за этот единственный концерт, который состоялся в октябре 1925 года. И то, что Шалалин не «отработал» и половины, так как выступал только в конце первого и второго отделений, предоставляя возможность выступить незапланированным артистам. Но его искусство извинило и испугало все. В своем пении он был прекрасен, могуч и велик, как его слава. Правда, кто-то припомнил, что однажды — это было в 1917 году — Шалалин уже был зван чешским меценатом в Прагу. Приглашение «настигло» русского певца в Монте-Карло. Он был краток. Поднял три пальца, сказал по-французски: «Пятнадцать», — что означало 15 тысяч франков за три концерта. В то время это была колоссальная сумма, и гастроли не состоялись.

Но вернемся в Прагу. Критики писали, что концерт в «Люцерне» прошел с чисто русским размахом, по-шалалински. Еще и потому, что в зале было очень много русских. Многие складывали последние ценные вещи, делали долги, чтобы приобрести билет на концерт гениального соотечественника. Пресса тогда писала: «Шалалин фактически перешел на эмигрантское положение, он купил дом в Париже. Правда, был эмигрантом особым — гран сиропом, выезжал с концертами лишь туда, куда его настойчиво звали, где за одно выступление ему был обеспечен головой министерский оклад и где его искусство всегда и неизменно возбуждало самый горячий интерес, удивление и восторг». Надо также сказать, что первое выступление Шалалина в Праге состоялось благодаря инициативе местного «Союза русских писателей и журналистов» и члена правления «Чешско-русской общины» А. Тесковой, той самой, которая долгие годы вела переписку с Мариной Цветаевой и которая бросила клич организовать сбор пожертвований в фонд концерта. Каждый вносил, сколько мог, и это были действительно бесценные вклады во взаимное сближение русских и чехов на почве музыки. Помог этому и Шалалин: и своим искусством, и своим интервью, которое он дал корреспонденту газеты «Чешское слово».

Первый вопрос был классический: какое впечатление на Шалалина произвела Прага?

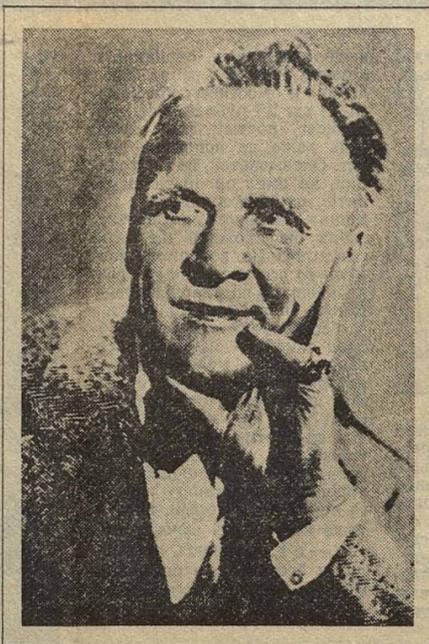
«К сожалению, еще не имел возможности полюбоваться вашей столговой столицей», — ответил Ф. Шалалин. — Но должен сказать, что той восторженной и спонтанной встречи, которую мне вчера устроила чехословацкая публика на вокзале, я просто глубоко тронут. Я чувствую, что вновь отзывается широкая славянская душа. Что касается состояния русского искусства в России? Не могу сказать вам ничего определенного, так как уже три года живу за границей. Но когда там был — в самое яркое революционное время, — то искусство в Москве и Петрограде было в очень хорошем состоянии».

Затем разговор перешел на чехословацкое искусство, и главным образом на музыку.

«Чехи всегда были известными музыкантами», — сказал Федор Иванович. — Ведь, кажется, есть даже такая поговорка: что ни чех, то музыкант? Я лично знал вашего великого композитора Сметану, дружил с прекрасным дирижером Направником. Чешская музыка оказывает такое сильное влияние, что нельзя ей противостоять. Это почувствовали на себе многие русские, даже сам Чайковский. На меня производит необычайное впечатление «Танец» Дворжана, и вообще славянская музыка мне ближе других. Приеду ли снова в Прагу? Конечно. Уже сейчас могу с уверенностью сказать, но, надеюсь, не как певец, а как турист, чтобы полюбоваться вашей прекрасной страной, которую я уже имел возможность увидеть через окно поезда. Возьму тогда в свое распоряжение автомобиль, чтобы быть ближе к вашей земле и к вам».

Тогда же, 14 октября 1925 года, газета «Лидовы новости» писала: «Шалалин осядет в Чехословакию. Как нам стало известно, он ведет переговоры о покупке замка в Чехии. Шалалин — заядлый рыбак и поэтому выбирает замок на берегу пруда. Покупка состоится в будущем году после возвращения Шалалина из турне по США».

Сегодня трудно установить достоверность этого заявления. Все могло быть, Шалалин был богат, а свое отношение к этой стране высказал в интервью корреспонденту «Прага пресс». «Никакая другая страна не дает такую

И отозвалась широкая славянская душа...

иллюзию дома, как Чехословакия», — сказал он. Начиная с 1927 года певец приезжал сюда почти каждый год.

ВИЗИТ в декабре 1928 года проходил под знаком политического внимания к певцу. Из корреспонденций местных и русских газет удается воссоздать следующую картину...

17 декабря в Праге на Масариковском вокзале Шалалина ожидали не хроникеры прессы, а заведующие отделами политической информации: известный певец должен был дать интервью по поводу своего выступления в Будапеште относительно Трианонского мира.

Несмотря на раннее утро, Шалалин вышел из спального вагона будапештского поезда свежим, бодрым и веселым. Кроме журналистов, встречали его пражский импресарио М. Бичурин и «общеевропейский» — Л. Леонидов. Им пришлось сразу же стать на «защиту» Шалалина. Какой-то шустрый молодой человек подстергал певца, чтобы подслушать ему для подлинный ряд его фотографий. Надо сказать, что и по сей день сбор автографов здесь является популярным хобби, или, как говорят чехи, «копичком». Но когда любитель автографов подсунил ему несколько фотографий, то певец подумал, что делается это с коммерческой целью, и вспыхнул от гнева: не любил, чтобы на нем мелко наживались. «Господи, где нет от них покой! Не дают вздохнуть!.. Ну пусть бы приходил после концерта, а то и у вагона надождать!» — воскликнул он.

Когда неудачливого «коммерсанта» прогнали, в дело вступили журналисты.

— **Что вы можете сказать по поводу инцидента в будапештском баре? Кто «окрасил» вашу речь в политические тона?**

— Это не первый случай такого рода, — улыбнулся певец. — Политики стараются не касаться, своих богов — богов музыки — ставлю выше, чем богов политики. Я о политике не говорил ни звука. Кто-то произнес «Трианон», а мне послышалось — «трупинает»... Я не знал даже, что Трианонским называется мир, урегулированный взаимоотношения государств в Средней Европе, и позволил себе какие-то высказывания! Теперь, после будапештского инцидента, я очень заинтересовался Трианонским мирным договором и собираюсь даже прочесть его!

Я уже говорил, что недоразумения на «языковой» почве случаются со мной нередко. Так, в Чикаго одна из газет поместила сообщение, что я на репетиции грубо обошелся со своими партнерами и разбил нос одному из солистов! Я с удивлением прочел эту заметку и стал припоминать... Как будто никаких недоразумений не было! Чтобы окончательно выяснить это, побегал в театр и там узнал, что один из журналистов попал в зрительный зал во время репетиции сцены Бориса Годунова с Шуйским. Репетировали мы в штатских костюмах и без грима. Я играю и во время репетиции. В этой сцене хватаю Шуйского за горло. Американский корреспондент, увидя это, решил, что я разозлился на своего партнера и ударил его. Такова история моего «чикагского» недоразумения.

— **Каковы ваши планы на будущее? Что вы предполагаете делать в ближайшее время?**

— Из Праги я еду в Париж. Там на Рождество ждет меня моя младшая дочь. Я ей должен рассказать сказку. Да, сказку, которая «началась» еще в Австралии. Два года тому

назад. Это сказка длинная, и ее я еще не закончил. Теперь дочь ждет продолжения...

— **А не думаете ли вы написать и издать свои сказки?**

— Если вы затронули вопрос о моей литературной работе, то должен сказать, что я думаю в 1930 году когда исполнится 40-летие моего пребывания на сцене, издать мемуары, в которых выскажу свое суждение об искусстве и дам характеристики выдающихся лиц, с которыми встречался. Это будут чисто субъективные впечатления. В 1930—1931 году я собираюсь также совершить свое прощальное турне по миру.

— **Отводите ли место Чехословакии в ваших планах на будущее?**

— Хотелось бы выступить в Праге в оперном спектакле. Но пражский театр мал. Хотелось бы, чтобы на спектакле присутствовали 4—5 тысяч человек. Поэтому у меня есть идея осуществить как-нибудь летом спектакль на открытом воздухе. Об осуществлении этой своей мечты я буду думать.

В 1930 ГОДУ слово свое Шалалин сдержал. Правда, опера состоялась не под открытым небом, а в пражском театре «Варьете» вместе с труппой Братиславской оперы.

Шалалин прибыл в Прагу 2 июня в половине седьмого вечера, а в семь уже началась репетиция «Бориса Годунова» под управлением Оскара Небала.

Небаль решил дирижировать сам, понадеявшись на свой опыт и умение, но при первых же тактах Шалалин понял, что тот не знает партитуры и импровизирует, и воскликнул: «Голубчик Оскар, как же это ты не знаешь партитуру Бориса! Так нужно играть!» — и отбил ногой ритм. Небаль очень сконфузился и даже не стал оправдываться. Когда же артист Хюбнер запел арию Шуйского прямо с партитуры, Шалалин топнул ногой, сморщился, словно от зубной боли, и вскричал: «Слушай, Шуйский, ты не артист, ты бухгалтер!»

Спектакль, однако, прошел с большим успехом. Решили отпраздновать его в винном погребе «Куманово». «Блюда», — вспоминает артист Янко Благо, исполнивший роль Дмитрия, — шли в таком порядке: водка, закуска, вино, снова закуска, черный кофе. Все это повторялось до бесконечности. Именно тогда за столом кто-то спросил Шалалина, правда ли, что он купил дом в Венгрии. «Вранье», — ответил певец, — если я где-либо оселю, так в славянской стране». И добавил: «Я бы хотел умереть лишь там, где живут люди славянской души». Было уже светло, когда компания разошлась по домам. До своей гостиницы Шалалин шел пешком через Вацлавскую площадь. Город спал, лишь редкие прохожие спешили по неотложным делам. Мимо Шалалина прошел человек в иононенном костюме, поглядел, остановился и говорит: «Приветствую вас, пан Шалалин, в Праге». Певец был удивлен: «Откуда меня знаешь?». Парень ухмыльнулся: «Чтобы пражский продавец газет не знал великого Шалалина?!» Было 3 июня, три часа утра.

Знаменательным был приезд певца в Прагу в 1934 году, он должен был петь в опере «Дон Кихот». Уже на репетиции Шалалин задал работу режиссеру Ганусу Тейну, изменив всю сценографию. «Я выйду на сцену отсюда», — сказал он категорично. «Да, но здесь нет двери», — попытался возразить Тейн. «Будет», — сказал Шалалин и, достав карманный нож, вырезал в декорации дверной проем. Когда узнал, что ему придется выйти на сцену без Росинанта, а Санчо Панса будет без осла, наотрез отказался петь. Весь день помощники режиссера искали по всей Праге нужных животных. В разгар спектакля, когда началась сцена с ветряными мельницами, Шалалин — Дон Кихот запел свой гимн Дульцинее. Здесь Санчо Панса должен был вывести на сцену Росинанта и осла. Тотчас кобылка, уже получившая свой «гонорар» — порцию овса, послушно шла за артистом. Осел же, как ему и положено, вдруг заупрямялся и никак не хотел выходить из-за кулис. Пока Шалалин пел арию, за его спиной разыгралось настоящее сражение. Санчо — певец Ян Константиан — изо всех сил тянул упрямо животное, а осел упирался всеми четырьмя копытами. Только с помощью нескольких рабочих осла удалось вытолкнуть на сцену под хохот публики. Гнев Шалалина не знал границ...

С КАЖДЫМ приездом певца в Чехословакию зрители открывали для себя не только новые грани его дарования, но и его широкую и безудержную натуру. Вот что рассказывает артист Братиславской оперы Я. Благо: «После представления «Фауста» Шалалин и еще несколько актеров направились в винный ресторанчик «У Гисрейтеров», что на Рейхардовой улице. Под сиринки местных музыкантов шел неторопливый разговор о том о сем. Шалалин вспоминал свои путешествия с Горьким по России, рассказывал, как помогал деньгами ленинской «Искре», как оказался за рубежом и почему его лишили звания народного артиста: «Ну что ж мне было делать? Петь, что ли, бросить? Пусть Шалалин, стало быть, не народный артист. А кому же пел Шалалин, как не народу? Пусть паспорта у меня нет советского, а кровь прежняя осталась — кровь русская».

За разговорами незаметно шло время. На-

Рисунки

Федора Шалалина

БЫЛО это за три года до смерти Шалалина. В последний раз он приезжал в Чехословакию в 1937 году.

Вот как описывал его пребывание в Праге корреспондент издававшейся там русской газеты «Сегодня»: «Когда Ф. И. Шалалин вышел из вагона берлинского поезда на перрон Масариковского вокзала в Праге — огромный, бодрый, могучий, — казалось, будто воплотилась старая русская легенда о богатырях — один из них пережил всех и попал в нашу среду.

Шуткой, каким-то кокетством кажется слова Шалалина: «Вот поюю еще годика три, до 50-летнего юбилея моей сценической деятельности, а потом и на покой, куда-нибудь в деревню, в глушь, подальше от шума...»

С первых же минут пребывания в Праге старые друзья окружили его вниманием. Вель в Праге у Шалалина имелась даже своя квартира — в отеле «Де-Сакс», устроенная любовно, обставленная и украшенная шалалинскими театральными «трофеями».

В этих комнатах, обставленных старинной мебелью, украшенных портретами великого певца, затянутах мягкими, пушистыми коврами, Федор Иванович действительно чувствовал себя как дома, хотя и жил в своей «пражской квартире» только по несколько дней, раз в два-три года.

«В следующие дни, до 26 января Федор Иванович берет себя и из больших выездов сделал только поездку в Градчанский замок к президенту Э. Бенешу, — пишет далее газета. — Аудитория продолжалась час с четвертью и носила чрезвычайно сердечный характер. Э. Бенеш беседовал с Ф. И. Шалалиным по-русски и обещал посетить концерт, назначенный в самом большом пражском зале — «Люцерна».

Ф. И. Шалалин пел с особенной экспрессией и чувством. Чудесным казалось, что голос у 64-летнего человека может звучать так мощно и молодо!

Переполненный зал «Люцерны» во время концерта гремел аплодисментами, и Федор Иванович был очень щедр, исполняя все новые и новые песни и арии. Вечер проходил под лозунгом «Гениальный певец — гениальному поэту» и являлся как бы вступлением в серию пушкинских вечеров, устраиваемых в Праге. Большинство исполнявшихся Шалалиным вещей было на пушкинские тексты.

Этот концерт явился величайшим триумфом Шалалина в Праге. А для пражан он был последним. 12 апреля 1938 г. Шалалина не стало. Умер он в Париже. За день до смерти его навестила чешская певица Э. Брокова. Слово последняя ниточка, связывала она певца со страной, которая больше всего напоминала ему Родину.

Владимир СОКОЛОВ.
(Спец. корр. АПН — специально для «Советской культуры»).

ПРАГА.

● Ф. И. Шалалин. 1934 год.

● Этот грим донна Вазилло («Севильский цирюльник»).
● Жена Ф. И. Шалалина Мария Валентиновна.
● Автошарж.